Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного испорченнаго мѣста лѣтописи.

Въ Начальной лѣтописи есть одно неясное, но заслуживающее особеннаго вниманія, мѣсто. Опираясь на филологію и исторію, археологія почерпаетъ изъ него интересное данное.

Договоръ Святослава съ греками утверждается клятвою, выраженною слѣдующими словами: „Якоже кляхъся ко царемъ Гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая съвѣщанья; аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ (не) съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ негоже вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса, скотья Бога, и да будемъ золоти яко золото, и своимъ оружьемь да исѣчени будемъ“ [1]).

„*Да будемъ золоти яко золото*“—вотъ то неясное, но вмѣстѣ съ тѣмъ интересное мѣсто, о которомъ я говорю и которое служитъ мнѣ основаніемъ для моего доклада. Для объясненія этой части клятвы, точнѣе говоря, призыва страшныхъ казней на главу нарушителей договора, для того, чтобы разобраться во всѣхъ связанныхъ съ этимъ мѣстомъ вопросахъ, мы должны обратиться къ присягамъ, какими скрѣплялись договоры Олега и Игоря съ греками. Подъ 907 годомъ читаемъ: „Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгомъ, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, целовавше (сами) крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ“ [2]). Въ 912 году мужи, посланные Олегомъ къ греческимъ царямъ, говорили: „Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе Археографической Комиссіи. 1872. Стр. 71—72.

[2]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Стр. 31.

(и) извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, (но) и писаниемъ и клятвою твердою, кленшеся оружьемъ своимъ, такую любовь утвердити и известити по вѣрѣ и по закону нашему“ [1]). Договоръ Олега съ греками заканчивается словами: „На утверженье же неподвижние быти меже вами хрестьаны и Русью, бывший миръ сотворихомъ Ивановымъ написаніемъ на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истинаго Бога вашего извѣсти и дасть нашимъ посломъ; мы же кляхомся ко царю вашему иже отъ Бога суще яко Божие здание по закону и по закону языка нашего, не преступити намъ, ни иному отъ страны нашея отъ уставленыхъ главъ мира и любви“ [2]). Въ 945 году послы Игоря говорили греческимъ царямъ: „И иже помыслить отъ страны Руския разрушити таку любовь и елико ихъ крещенье прияли суть (отъ страны Рускыя), да приимутъ месть отъ Бога вседержителя, осуженье на погибель въ весь вѣкъ в будущій; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будуть раби въ весь вѣкъ в будущій“ [2]). Въ виду особенной важности, какую имѣетъ для моихъ доказательствъ это мѣсто, я представлю его переводъ: „Если кто изъ русскихъ возъимѣетъ намѣреніе разрушить эту дружбу, то христіане пусть получатъ возмездіе отъ Бога Вседержителя, пусть будутъ осуждены въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ, некрещеные пусть не имѣютъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна, пусть не защитятся щитами своими, пусть погибнутъ отъ мечей своихъ, отъ стрѣлъ или отъ другого своего оружія, и будутъ рабами въ весь вѣкъ будущій“. Договоръ Игоря съ греками заканчивается словами: „Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити отъ него ничтоже; а иже преступить се отъ страны нашея, ли князь ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ, да не имуть помощи отъ Бога, и да будеть рабъ въ весь вѣкъ в будущий, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ. А (некрещеная) Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и (прочаа) оружья, да кленутся о всемь, яже суть написана на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людий отъ страны Руския въ прочая лѣта и воину. Аще ли же кто

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Стр. 32—33.

[2]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Стр. 46—47.

отъ князь или отъ людей Рускіхъ, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будеть достоинъ своимъ оружьемь умрети, и да будеть клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву“ [1]). Это значитъ: „Мы же всѣ крещенные клялись въ соборной церкви святого Иліи предлежащимъ честнымъ крестомъ и хартіею сею хранить все, что тутъ написано, и не нарушать ничего; если же кто изъ страны нашей, князь или иной, крещенный или некрещенный, нарушитъ договоръ, да не имѣетъ помощи отъ Бога, да будетъ рабомъ въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ, да погибнетъ отъ своего оружія. А некрещенная Русь кладетъ щиты свои и обнаженные мечи, обручи свои и другое оружіе, и даетъ клятву хранить договоръ этотъ, заключенный Игоремъ, всѣми боярами и всѣми людьми русскими на все будущее время. Если кто изъ князей или людей русскихъ, христіанъ или нехристіанъ, нарушитъ написанное на этой хартіи, тотъ да погибнетъ отъ своего оружія, да будетъ проклятъ Богомъ и Перуномъ, какъ клятвопреступникъ“. Далѣе лѣтописецъ разсказываетъ, какъ греческіе послы приводили Игоря съ его мужами къ присягѣ. „Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, (и) покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ, конець Пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церки мнози бо бѣша Варязи хрестеяни“ [2]).

Всматриваясь пристальнѣе въ приведенныя нами присяги, мы наблюдаемъ слѣдующее. *Во-первыхъ*, форма роты различалась для язычниковъ и христіанъ. *Во-вторыхъ*, формулы присягъ крещеной и некрещеной Руси, поскольку это позволяла разность вѣры, аналогичны. *Въ-третьихъ*, присяга некрещеной Руси имѣетъ одно существенное отличіе: она сопровождается извѣстнымъ обрядомъ, имѣющимъ цѣлью придать ей большую выразительность. Некрещеная Русь прибѣгаетъ къ двумъ параллельно идущимъ способамъ выраженія: отдѣльныя части устной присяги поясняются подборомъ предстоящихъ и предлежащихъ предметовъ. Сказанное словами передается еще при помощи конкретныхъ образовъ. Клянущіеся какъ бы говорятъ заразъ на двухъ языкахъ—языкѣ словъ и языкѣ предметовъ. Полагаемые передъ истуканомъ предметы—своего рода аккомпаниментъ присяги; это для нея отличный комментарій, чудная иллюстрація. *Въ-четвертыхъ*, клятвы Игоря и Святослава представляютъ собою дальнѣйшее развитіе клятвы Олега, въ

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Стр. 51—52.

[2]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Стр. 52—53.

которой уже имѣется главная составная часть всѣхъ позднѣйшихъ клятвъ—клятва оружіемъ, которая, по свидѣтельству договора, считалась „твердою клятвою". Мы имѣемъ и другія свидѣтельства о высокомъ значеніи такой клятвы. Очевидно, такого взгляда на нее держались датчане. У Шекспира, который хорошо зналъ бытъ этого народа, датскій принцъ Гамлетъ требуетъ отъ Горація и Марцелло клятвы. Горація клянется честью. Гамлетъ требуетъ клятвы на мечѣ. Горація и Марцелло клянутся, слагая руки на мечъ. По свидѣтельству другихъ, такая клятва сопровождалась наступленіемъ ногами на мечи (Генрихъ Латышъ, гл. XVI). *Въ-пятыхъ*, присяга Игоря нѣсколько дополняетъ присягу Святослава, которая представляетъ собою хотя и очень цѣнную, но все же лишь формулу, предметами не иллюстрированную. Быть можетъ, при принесеніи присяги Святославомъ, какъ и Олегомъ, вышеописанная обстановка и церемонія положенія оружія и другихъ предметовъ или совершенно отсутствовала, опускалась и только подразумѣвалась, или видоизмѣнялась. Не трудно отвѣтить, почему. Не забудемъ, что Игорь, съ одной стороны, Олегъ и Святославъ, съ другой—дѣйствовали въ разныхъ условіяхъ: Игорь приносилъ клятву у себя дома, Олегъ и Святославъ въ походѣ. У Игоря истуканъ Перунъ былъ подъ рукою, у Олега и Святослава его не было.

Подчеркнутое мною выраженіе формулы присяги некрещеной Руси „да будемъ золоти яко золото" и доселѣ осталось непонятымъ вслѣдствіе испорченности текста. Выше я отмѣтилъ, что клятвы Игоря и Святослава представляютъ собою дальнѣйшее развитіе клятвы Олега. Число полагаемыхъ предметовъ увеличилось. Возникаетъ вопросъ, что еще стали полагать на землю некрещеные руссы при Игорѣ и Святославѣ, кромѣ оружія,—обручи или золото? Карамзинъ оставляетъ насъ на этотъ счетъ въ недоумѣніи. У него, въ одномъ случаѣ, когда онъ передаетъ послѣсловіе договора Игоря съ греками, некрещеные полагаютъ на землю обручи [1]), въ другомъ—когда онъ передаетъ лѣтописный разсказъ о самомъ принесеніи Игоремъ клятвы, воины полагаютъ уже не обручи, а золото [2]). По Н. Арцыбашеву [3]), С. Соловьеву [4]) некрещеная Русь полагала золото. И. Е. Забѣлинъ, Д. И. Иловайскій [5]), а за ними новѣйшій изслѣдователь мирныхъ договоровъ русскихъ съ греками

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго. Т. I, стр. 155.
[2]) Исторія Государства Россійскаго. Т. I, стр. 156.
[3]) Повѣствованіе о Россіи. Т. I, стр. 27.
[4]) Исторія Россіи. Т. I. Изд. пятое, стр. 122 и 300.
[5]) Исторія Россіи. Т. I, 1906 г., стр. 682, „золото тутъ означаетъ обручи или браслеты".

А. В Лонгиновъ [1]), комбинируютъ золото и обручи. И. Е. Забѣлинъ [2]) пишетъ: „Русь положила передъ истуканомъ свое оружіе: щиты, мечи и прочее, и золото (обручи и съ шеи ожерелья—гривны)". Д. И. Иловайскій [3]) говоритъ, что языческая Русь положила „золотые обручи",

Карамзинъ, Арцыбашевъ, Соловьевъ не имѣли права отбросить обручи, не представивъ объясненій причины такого обращенія съ ясно выраженнымъ указаніемъ лѣтописи; но и И. Е. Забѣлинъ съ Д. И. Иловайскимъ въ данномъ случаѣ воспользовались пріемомъ, въ отношеніи котораго надо соблюдать большую осторожность. Желаніе сочетать, во что бы то ни стало, всѣ имѣющіяся о данномъ предметѣ извѣстія можетъ приводить къ крупнымъ ошибкамъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я докажу, что допущенная почтенными историками комбинація золота и обручей невозможна. Къ тому же долженъ отмѣтить, что я не согласенъ ни съ объясненіемъ Карамзина, будто слово „обручъ значитъ то же, что кольцо" [4]); ни съ тѣмъ расширительнымъ толкованіемъ, которое даетъ ему И. Е. Забѣлинъ—ожерелья, гривны. Кольцо и обручъ не тождественны. Кольцо—понятіе родовое, обручъ—видовое. Всякій обручъ кольцо, но не всякое кольцо обручъ. Обручъ, какъ показываетъ этимологія слова, есть прежде всего кольцо, охватывающее руку (об-ручъ). Это первое и прямое значеніе обруча, и въ ту отдаленную эпоху, о которой идетъ рѣчь, слово обручъ. вѣроятно, только это и значило.

Коньектуральная критика неяснаго выраженія формулы присяги „да будемъ золоти яко золото"—не сложна. Повидимому, впервые оно интерпретировано Н. С. Арцыбашевымъ [5]), а развито Карамзинымъ, Ѳ. Буслаевымъ и въ послѣднее время А. В. Лонгиновымъ. С. Соловьевъ слѣдуетъ Буслаеву. „Да будемъ золоти яко золото" Н. Арцыбашевъ истолковалъ въ смыслѣ „да пожелтѣемъ, какъ золото" [6]). Карамзинъ переводитъ это мѣсто такимъ же образомъ. („Да будемъ желты"), но къ своему переводу даетъ слѣдующій комментарій [7]): „Да будемъ *золоти* яко золото се": ибо славяне полагали золото къ ногамъ идоловъ, когда кля-

---

[1]) Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Одесса. 1904, стр. 108.

[2]) Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Стр. 162.

[3]) Исторія Россіи. Часть первая. Стр. 35.

[4]) Карамзинъ. Примѣчанія къ I тому Исторіи Государства Россійскаго. Стр. 165, прим. 358.

[5]) Очевидно, имѣя въ виду кого-то—быть можетъ Карамзина—высказавшаго подобное же мнѣніе, онъ добавляетъ: „Это означено было нами уже въ книжкѣ нашей: „Приступъ къ повѣсти о Русскихъ" (въ Санктпетербургѣ въ Морской типографіи 1811), стр. 88.

[6]) Повѣствованіе о Россіи 1838. Т. I, стр. 43.

[7]) Стр. 194, прим. 413.

лися въ вѣрномъ соблюденіи мира. Въ нашемъ языкѣ золото получило имя свое отъ *желтаго* цвѣта. Иллирическіе славяне называютъ желчь zlatenica, а Богемскіе zlautenice. И въ переводѣ нашей Библіи слово *златеница* употреблено въ смыслѣ *желчи*: см. Пророка Амоса, гл. IV, ст. 9. „Да будемъ желты", есть то же, что: „да будемъ мертвы". Въ одномъ *Пушкин.* спискѣ, вмѣсто *золоти*, стоитъ *колоти*. Это безъ сомнѣнія описка". Ѳ. Буслаевъ выразилъ свое мнѣніе не категорично [1]). Сначала онъ, повидимому, примыкаетъ къ Карамзину, когда говоритъ: „сродство понятій о цвѣтѣ и золотѣ еще не утратилось во времена Нестора, сохранившись въ обычномъ эпическомъ выраженіи языческой клятвы: „да будемъ золоти яко золото"; но затѣмъ, обратившись къ объясненію сербскаго эпитета: сухо золото, даетъ нашему выраженію новое объясненіе: „Если, говоритъ онъ, это былъ исконный эпитетъ злату у Славянъ, то онъ былъ и у насъ и вѣроятно этимъ эпитетомъ объясняется клятва: „да будемъ золоти, т.-е. изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня". А. В. Лонгиновъ такъ увѣренъ въ правильности толкованія „да будемъ золоти" въ смыслѣ „умремъ", что въ этомъ выраженіи видитъ даже сбывшееся для Святослава пророчество: печенѣги, убивши Святослава, оковали черепъ его золотомъ [2]).

Приведенныя объясненія Арцыбашева, Карамзина и Буслаева не выдерживаютъ критики. Прежде чѣмъ указать ихъ ошибки, я позволю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ тѣхъ случаяхъ, когда клятвы, заклинанія выражаются и посредствомъ живого слова и посредствомъ сопутствующихъ этому живому слову предметовъ, предметы интуитивно выражаютъ мысль клятвы, и для объясненія ихъ присутствія напрягать умъ не приходится, ибо выборъ каждаго предмета хорошо мотивированъ; при томъ, если клятва состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, если она—многочленная, то каждая часть ея обставляется соотвѣтственнымъ аксессуаромъ и, наоборотъ, каждому аксессуару отвѣчаетъ извѣстная часть клятвы. Изъ массы примѣровъ приведу на выдержку два-три, наиболѣе характерныхъ. Самоѣдъ приноситъ клятву, стоя на шкурѣ бѣлаго медвѣдя и держа его голову въ рукахъ: онъ убѣжденъ, что за показную ложь съѣстъ его этотъ звѣрь при первой же встрѣчѣ [3]). Здѣсь выборъ предметовъ хорошо мотивированъ: въ клятвѣ самоѣда бѣлый медвѣдь какъ нельзя болѣе умѣстенъ. Другой примѣръ. Когда корены,

[1]) Ѳ. Буслаевъ. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Москва. 1848. Стр. 12—13.

[2]) А. В. Лонгиновъ. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Стр. 110—111.

[3]) С. Максимовъ. Крылатыя слова. Стр. 336.

одинъ изъ народовъ Индо-Китая, хотятъ отмстить кому-нибудь тайными вліяніями, они взываютъ къ духамъ, населяющимъ воздушныя пространства: послѣ проклятія, произносимаго надъ врагомъ три дня сряду при закатѣ солнца, они берутъ зажженную вѣтку, которая скоро гаснетъ, гнилое яйцо, нечистые остатки ѣды и говорятъ: „Пусть твоя жизнь угаснетъ, какъ угасла эта вѣтка! Да будешь ты лишенъ потомства, какъ это гнилое яйцо! Пусть конецъ твой походитъ на эти отбросы!“ [1]). Здѣсь трехчленному проклятію соотвѣтствуютъ три предмета, выборъ которыхъ мотивированъ удачно. А вотъ еще примѣръ, ближе подходящій къ разбираемой нами присягѣ. Древне-римскій жрецъ изъ коллегіи феціаловъ, по прочтеніи текста договора убивалъ камнемъ жертвенную свинью, восклицая: „если римскій народъ первый, со злымъ умысломъ и съ общаго согласія, нарушитъ эти условія, тогда ты, Юпитеръ, порази римскій народъ такъ, какъ сегодня здѣсь поражу эту свинью“ [2]). Предметы для клятвы выбраны какъ нельзя болѣе удачно. Жертвеннымъ животнымъ выбрана свинья не даромъ: если римскій народъ нарушитъ клятву, то онъ окажется свиньею. Кремень, взятый изъ храма Юпитера, олицетворяетъ собою Юпитера. Всѣ дѣйствія феціала представляетъ собою живописное изложеніе клятвы.

Нашей многочленной присягѣ Святослава отвѣчаетъ также нѣсколько предметовъ: истуканъ Перуна, щиты, мечи и *обручи*, согласно однимъ, *золото*, согласно другимъ. Выборъ трехъ изъ этихъ предметовъ хорошо мотивированъ. Перунъ, богъ молніи, какъ и римскій Юпитеръ, караетъ клятвопреступниковъ.. Въ данномъ случаѣ мы усматриваемъ еще соотвѣтствіе между Перуномъ и св. Иліею; они равнозначны, равноправны. Перунъ выступаетъ, какъ эквивалентъ св. Иліи. Оба—грозны, оба—мечутъ стрѣлы, оба могутъ убить нарушителя договора. Щиты полагаются въ знакъ того, чтобы нарушители договора не ущитились щитами [3]) („да не имуть помощи отъ Бога“). Обнаженные мечи составляютъ одинъ изъ самыхъ главныхъ аксессуаровъ клятвы. Клятва на мечахъ—главная, центральная часть клятвы. Мечъ, на которомъ клянется некрещеный руссъ, соотвѣтствуетъ кресту, предъ которымъ клянется крещеный. Разъ выборъ всѣхъ этихъ предметовъ хорошо мотивированъ, необходимо сдѣлать заключеніе, что и обручи выбраны не безъ основанія, и самое слово это не спроста, не спуста вымолвлено въ лѣтописи. Установивъ это, обратимся къ критикѣ Ка-

---

[1]) Реклю.

[2]) Liv. I, 24.

[3]) Въ Нормандіи норманны поднимали щиты на голову. (Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина о русской исторіи, т. III, стр. 319).

рамзинскаго объясненія. Если „*золоти*“, дѣйствительно, должно означать „желты“, то почему же такъ прямо и не сказано „жлъты“. Почему такая необычная для формулы неясность? Объяснять, что *золоти* то же, что желты, а желты то же, что мертвы или, какъ говоритъ Буслаевъ, изсохнемъ — большая натяжка. Отсюда, вѣроятно, и отмѣченное мною колебаніе Буслаева въ этомъ вопросѣ. Своимъ блескомъ, который доминируетъ надъ желтымъ цвѣтомъ, золото скорѣе наводитъ на мысль о жизни, а ужъ никакъ не на мысль о смерти. Мы говоримъ: „Покойникъ лежалъ на столѣ, желтый, какъ воскъ“; но никому и въ голову не придетъ считать воскъ символомъ смерти. Къ тому же *золоти* допустимо только подъ условіемъ соотвѣтствія ему аксессуара золото, которое полагаютъ на землѣ руссы; но этому реченію *золоти* нѣтъ мѣста при другомъ сопровождающемъ его аксессуарѣ *обручи*, если только мы не обратимъ ихъ въ золотые, какъ это сдѣлали И. Е. Забѣлинъ, Д. И. Иловайскій и А. В. Лонгиновъ, на что мы не имѣемъ права. Наконецъ, какой смыслъ имѣла бы эта часть клятвенной формулы „да будемъ желты“, „пожелтѣемъ“, „изсохнемъ“? И, въ такомъ толкованіи, что новаго даетъ она противъ остальныхъ частей клятвы? Не то же ли самое выражается словами „и собственнымъ нашимъ оружіемъ изсѣчены“?.

Не только объясненія Карамзина, но и чтеніе „золоти. яко золото“ должно быть отвергнуто. Карамзинъ говоритъ: „Въ одномъ Пушкинскомъ спискѣ, вмѣсто *золоти*, стоитъ *колоти*. Это безъ сомнѣнія описка“. Совершенно вѣрно; но эта описка, сохраненная намъ осмотрительною текстуальною критикою, для насъ драгоцѣнна. Она даетъ намъ возможность добраться до истины. Если *колоти* — описка, а *золоти* не имѣетъ смысла, то естественно предположить, не описка, не ошибка ли и *золоти*. Несомнѣнно, что слово, долженствующее разъяснить это мѣсто, и по начертанію, и по звукамъ близко подходитъ и къ тому и къ другому. И *я утверждаю, что это слово — холопи*. Форма существуетъ [1]). Это слово удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ даннаго мѣста. Принявъ его, легко объяснить происхожденіе описокъ *колоти* и *золоти*. Въ противоположность *золоти*, оно вноситъ нѣчто новое въ клятву, то, чего нѣтъ въ другихъ ея частяхъ. Оно находится въ полномъ согласіи съ исторіей возникновенія холопства. Нарушеніе договора преступленіе, а преступникъ обращался въ холопство. Оно аналогично клятвѣ христіанъ. А главное, оно находится въ полномъ

---

[1]) Она встрѣчается въ самой лѣтописи: „то суть наши *холопи* каменьници“; „но приидохомъ, Богомъ попущени, на *холопи* наши и на конюси свои, на поганыя Половци“.

согласіи съ клятвою, какую приноситъ некрещеная Русь при Игорѣ. Въ ней прямо сказано: „да будуть *раби* въ весь вѣкъ в будущій“. На основаніи вышеизложеннаго, я предлагаю читать формулу присяги такимъ образомъ: „да имѣемъ клятву отъ Бога, въ негоже вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса, скотья Бога, и да будемъ *холопи*, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ“. Этой исправленной части клятвы отвѣчаетъ аксессуаръ *обручи*. Выводъ прямой: *обручи, полагаемые русскими—язычниками къ подножію статуи Перуна и ассоціируемые съ разбираемою частью присяги, намекаютъ на рабство и являются или его символомъ или атрибутомъ свободнаго человѣка*“. Это и есть главный выводъ моего доклада. По свидѣтельству Тацита, быть скованнымъ почиталось варварами величайшимъ позоромъ. По свидѣтельству Льва Діакона, воины Святослава, не надѣявшіеся на свое спасеніе, лишали себя жизни для избѣжанія позорной участи сдѣлаться рабами своихъ побѣдителей. При такомъ ихъ взглядѣ, имъ естественно было призывать на свою голову холопство, какъ одну изъ самыхъ страшныхъ казней, подкрѣпивъ свои клятвенныя слова положеніемъ къ ногамъ истукана обручей.

Мнѣ остается объяснить присутствіе словъ *„яко золото“*. Я ихъ совершенно откидываю, считая ихъ ошибкою и даже умышленною. Объяснивъ происхожденіе ошибочныхъ формъ *колоти* и *золоти*, совсѣмъ уже не трудно объяснить и эту ошибку. Переписчикъ договора ошибся. Это съ нимъ не первый случай. Вѣдь онъ уже написалъ разъ, какъ это доказалъ Кругъ, „бывшій миръ сотворихомъ *Ивановымъ* написаніемъ“ вмѣсто „бывшій миръ сотворихомъ *киноварнымъ* написаниемъ“. Ошибка съ его стороны естественна. Переписчикъ-христіанинъ уже не понималъ языческой формулы, не понималъ и логической связи между обручами и холопствомъ. Этотъ иносказательный языкъ былъ для него теменъ. Прочитавъ *золоти* вмѣсто *холопи*, онъ поспѣшилъ замѣнить слово *обручи* словомъ *золото*, по недосмотру забывъ это сдѣлать только въ послѣсловіи договора Игоря. Mutatis mutandis, измѣнивъ то, что подлежало измѣненію, онъ и свое *золоти* пояснилъ словами „яко золото“. Поддѣлка его шита бѣлыми нитками и поэтому раскрыть ее было не трудно. Послѣ этого падаетъ указаніе Карамзина, будто „золото было всего святѣе и драгоцѣннѣе для русскихъ язычниковъ“; разрывается связь, какую на основаніи даннаго мѣста хотятъ нѣкоторые установить между Волосомъ и золотомъ, наконецъ, оказывается невозможнымъ комбинированіе для даннаго мѣста золота съ обручами.

І. К. Линдеманъ.